

ДАРЬЯ ДИМИР

ЯРОСТЬ
МОЯ

Дарья Димир

Ярость моя

«Автор»

2026

Димир Д.

Ярость моя / Д. Димир — «Автор», 2026

Аннке — послушная дочь и жена, живущая так, как велят обычаи. А еще она — ведьма, от которой зависит благополучие родной деревни. Когда на их остров возвращается Талли — человек, с которым когда-то сбежала старшая сестра Аннке, — она начинает выходить из оцепенения последних лет. Чем больше Аннке пытается разобраться в себе, тем яснее понимает: брак ее оказался клеткой, а долг перед людьми — удобным поводом распоряжаться ее жизнью. Однако свобода никогда не дается даром. Чтобы вырваться из жизни, которую за нее выбрали другие, Аннке придется пойти против целой деревни — и против уклада, который всегда казался незыблемым.

© Димир Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дарья Димир

Ярость моя

Глава 1

В тот день соседские взгляды были устремлены на Аннке.

— Развратник Талли вернулся, — шептали одни.

— Вернулся, вернулся. Да только один вернулся. Где девица-то? — вопрошали другие.

— Бросил! зуб даю, что бросил! — клялись третьи.

Аннке, как и любой послушной женщине, не надлежало вмешиваться в чужие разговоры и греть лишний раз свои нежные уши. Она разделалась с покупками, ухватила за тяжелые корзины и пошла домой: медленно и спокойно, чтобы никто не подумал, будто шепотки хоть как-то ее задели. Правда, заведя дом, чуть заторопилась, но только потому, что руки начали уставать.

В доме ее ждал отец: сидел за столом, старый и слабый, и слушал Гисли.

— Здравствуй, — поздоровался он и поглядел на Аннке. — Вовремя ты вернулась.

— Отец. — Аннке поставила тяжелые корзины на пол. — Мы рады, что ты заглянул. Дома все хорошо?

— Сокровище мое, — вмешался Гисли. — Отнеси корзины на кухню и возвращайся. Поговорить нужно.

На кухне Аннке столкнулась с Финеллой, но та заупрямилась и на тихие вопросы отвечать не стала — зарылась в корзины и вслух принялась размышлять, что бы такого приготовить на обед. Аннке в раздражении шлепнула ее по руке и вернулась к мужчинам.

— На улицах никто не приставал? — спросил Гисли, когда Аннке села за стол.

— Нет. С чего бы кому-то приставать ко мне?

— Соседи ни о чем не сплетничают?

— Не знаю. Я сплетни не слушаю.

— Хорошо, — улыбнулся Гисли. — Мне очень не хотелось омрачить твой день, но в наш дом пришли плохие вести. Ублюдок Талли соизволил вернуться на остров.

— Неужели? — ровным тоном спросила Аннке, но сама взмолилась, чтобы к щекам не прилила кровь. — Один?

— Да. И с собой он принес очередную беду.

Аннке посмотрела на отца: тот весь взмок, хотя в доме было прохладно. Старик уставился на свои некрасивые, огрубевшие руки, а вот на дочь не смотрел — наверняка специально, трус эдакий. Аннке сжала руки под столом и повернулась к мужу.

— Я слушаю.

— Мы-то думали, что и сестра твоя с ним заявится, — продолжил Гисли. — Вспомнит о бедных родителях. О тебе, в конце концов. Устыдится. Сколько лет прошло?

— Три года, — без колебаний ответила Аннке. — Почему же Имме не вернулась?

Гисли набрал в грудь воздуха, однако вместо него ответил отец:

— Она умерла. Морнирская лихорадка стубила ее несколько месяцев назад. Так сказал Талли.

Аннке почувствовала на себе взгляд отца. Он проникал к ней в голову. В душу. Искал то, что Аннке никому не позволяла видеть, — особенно после того, как Имме сбежала. Бросила их всех. Бросила ее.

Нет, Имме не могла умереть, а Аннке не могла сорваться. Не здесь и не сейчас.

— Ясно. Извините, но теперь мне нужно помочь Финелле, — сказала она и обратилась к Гисли: — К нам кто-нибудь заглянет на обед?

— Нет. Будем только мы. Иди, поработай немного. Это поможет.

— Аннке... — начал отец, но она уже встала и, даже не простившись с ним, ушла на кухню.

Финелла, которая явно подслушала весь разговор, теперь то и дело посматривала на Аннке насмешливо, за что получила по шее и громко взвизгнула.

— За что? — обиженно спросила она.

— Сама знаешь. Займись делом.

Аннке сосредоточилась на обеде. Руки работали, а голова отгоняла все светлые мысли о сестре. Дурная, дурная Имме. Позор семьи. Самое большое ее разочарование. Аннке повторяла это про себя, ругала сестру, препиралась с Финеллой и даже не заметила, как вернулась Бевин. Женщина придирчиво осмотрела суп и кивнула. Сказала:

— Я накрою на стол. Вы пока умойтесь.

Бевин бросила на Аннке изучающий взгляд, но не увидела ничего, из-за чего стоило бы беспокоиться. Аннке умела держать себя в руках. Они умылись, привели себя в порядок и сели за стол. Отец давно ушел, однако весть, которую он принес, оставлять их не желала. Она словно поставила пятый стул и теперь сидела с ними. Аннке ела и ни на кого не смотрела.

— Вы решили, что будете делать с Гарни? — спросила Бевин. — Женщины начинают волноваться.

Гисли откашлялся и ответил:

— Пусть не волнуются. Руне заберет козу и то, на что глаз упадет. Гарни посидит месяцок в яме, а потом мы отправим его к Иллу — до весны. Поработает, наберется ума и вернется.

— Если доживет?

— Если доживет.

Бевин задумалась. Аннке понимала, какие мысли крутились в ее голове. Гарни заслуживал куда более сурового наказания, но Гисли и другие советники решили иначе. Видимо, девичья честь в их понимании стоила одной козы и того, на что упадет пристыженный отцовский глаз.

— Хорошо, — сказала Бевин и посмотрела на Финеллу. — А ты води себя смирно, если не хочешь повторить судьбу подруги.

— Да, матушка, — закивала Финелла. — Со мной такого не случится.

— Не случится, потому что вскоре я подыщу тебе мужа, — сказал Гисли. — Засиделась ты. Пора уже в свой дом перейти.

Финелла вздрогнула. Побледнела. И почему-то посмотрела на Аннке — та не сдержала усмешки. Неужели Финелла думала, что замужество обойдет ее стороной? Нет, рано или поздно каждая женщина пройдет через этот унизительный обряд, а потом проведет через него своих дочерей и, если повезет, своих внучек. От этого не уйти — только если ты не безрассудная Имме, которая сбежала от своего замужества и обрекла на него младшую сестру.

— А если муж мне не понравится? — осторожно спросила Финелла. — Если я не захочу выходить за него?

— Захочешь, — ответил Гисли. — А не то опозоришь семью. А с нас достаточно позора. Гисли посмотрел на Аннке, и она кивнула. Сказала Финелле:

— Не повторяй судьбу Имме. Будь достойной девушкой и прими мужа, которого выберет Гисли. Он печется о благе семьи.

Финелла опустила голову и выдохнула, явно не поверив в искренность слов Аннке. Зато Гисли был доволен: улыбнулся, потянулся к жене, взял за руку и оставил на ней сухой поцелуй. Аннке с трудом сдержала дрожь.

— Аннке права, — сказала Бевин. — Такие, как Имме, хорошо жить не смогут. Мне жаль девочку, но ее смерть еще раз доказывает, что боги карают всякого, кто противится воле старших.

Аннке представила красавицу Имме — пышнотелую и крепкую — и задумалась, быстро ли ее сгубила морнирская лихорадка. Люди говорили, что она способна иссушить человека за несколько недель, забрать все силы и оставить одни лишь кости. Аннке не могла представить ослабевшую сестру. Нет, Имме никогда не была слабой.

После обеда Гисли отправился к советникам, Финелла взялась за уборку, а Бевин повела Аннке во двор — поговорить с глазу на глаз.

— Люди начнут подходить к тебе. Будут спрашивать про Имме. Сплетни вытягивать. Ты никого не слушай и молчи. Будь выше этого позора. Время пройдет, и все уляжется.

Аннке внимательно посмотрела на свекровь. Бевин говорила разумные вещи, которые, казалось, шли от чистого сердца.

— Хорошо, — согласилась она. — Но мне все же придется зайти к родителям. Проверить, все ли у них в порядке.

— Позже. Иначе люди подумают, что ты побежала к ним из-за сестры. Выжди несколько дней, а потом приходи.

— Да, так будет правильной.

Бевин и Аннке пошли в огород и до самого вечера, с редкими перерывами на отдых, копались в земле. Аннке с остервенением выдергивала сорняки и повторяла, что к ней боги оказались куда более милосердны: она не умерла от глупой лихорадки вдали от семьи и друзей. Почему они вообще решили остаться в Морнире? Неужели Талли не мог увезти Имме в хорошее и безопасное место: в Галисию или Нимрат? Почему Имме умерла на вражьей земле?

Вечером Аннке долго смывала с себя грязь, долго расчесывала непослушные волосы, долго втирала ароматное масло в тело. Она готовилась. А перед сном Гисли, как обычно, навалился на нее и быстро задвигался. Аннке почти не обращала на него внимания, пытаясь понять, почему Талли не пришел к ней и не рассказал обо всем сам. «Не только ублюдок, но еще и трус», — подумала она и выдавила стон, когда Гисли закончил и слез с нее.

— Ты довольна? — спросил он, пытаясь отдышаться.

— Очень.

— Хорошо. — Он шлепнул Аннке по крепкому бедру и засмеялся. — Теперь можно и поспать.

Гисли отвернулся, а Аннке уставилась в потолок и в который раз взмолилась, чтобы эта ночь не закончилась появлением орущего младенца. К счастью, пока что боги к ней прислушивались.

Глава 2

Первая сплетница подкараулила Аннке у колодца через пару дней. Это была соседка Мона, пучеглазая хохотушка с выводком детей самой разной наружности. Мона говорила, что каждый ее ребенок походил на разных членов семьи: один — на отца, другой — на мать, третий — на бабу, четвертый — на тетку. Впрочем, всех их объединял задорный материнский нрав.

Мона и Аннке обменялись любезностями, поговорили немного о погоде и вестях с Большого острова. Мона в шутку пожаловалась на слишком ласкового мужа, который снова надумал обрюхатить ее, а потом, погнав детей с полными ведрами домой, спросила у Аннке:

— Ты как? Держишься хоть?

— Да. Все хорошо.

Аннке наполнила одно ведро, поставила его на землю и потянулась за вторым. Мона внимательно наблюдала за ней, видимо, ожидая подробностей, но так ничего и не получила. Хмыкнула и предложила:

— Ты, если поговорить захочешь, заходи ко мне, не стесняйся. Я слушать умею. Перемою за тебя все косточки.

Аннке фыркнула и, наполнив ведро водой, поинтересовалась:

— Кому?

— Всем. И ублюдку Талли, и позорнице Имме.

Аннке вспомнила, как позорница Имме ночами сидела у постели Ниры и вытаскивала из хрупкого тельца гадкую болезнь. Позорница Имме спасла жизнь единственной дочери Моны, самому любимому ее ребенку, ее красе и гордости. Как быстро Мона забыла об этом. Как легко.

В этот раз Аннке смолчала. Вспомнила наставления Бевин, поблагодарила соседку за поддержку, подхватила ведра и отправилась домой. Нечего трепаться о пустяках — лучше поторопиться и заняться полезными делами.

Гисли, завидев ее с ведрами, покачал головой и зацокал. Он не любил, когда Аннке нагружала себя перед приходом просителей. Видимо, думал, что из-за усталости она собьется, а магия сработает не так, как надо. Из упрямства Аннке продолжала трудиться даже в день прошений. Собьется — значит, собьется. Глядишь, люди разочаруются в ней и оставят в покое.

— Приведи себя в порядок, — велел Гисли.

Когда пришли Аржан и Палле, старые и суровые рыбаки, с пеленок ходившие в море, опрятная и прилично одетая Аннке, сменившая мокрый передник на красивый пояс, уже заняла место позади Гисли. В разговорах она почти не участвовала, но в комнате присутствовала: люди не должны думать, будто она помогает им против воли. То, что ее волей распоряжался Гисли, мало кого волновало. Главное — процветание деревни.

— Советник Гисли, — поздоровались рыбаки. — Ведьма Аннке.

— Присаживайтесь, друзья, присаживайтесь, — сказал Гисли и пригласил мужчин к столу. — Вот, промочите горло и расскажите, с чем пожаловали сегодня.

— С просьбой, как обычно, — ответил Аржан, усевшись и отхлебнув эля. — К тебе и к жене твоей. Завтра утром мы собираемся вывести молодняк и будем благодарны, если Аннке поговорит с морем. В долгу, сам знаешь, не останемся.

В их деревне все знали, что с ведьмой надо заключить сделку и уплатить цену, которую она назначит. Цена могла быть любой: от красивого расписного камешка до крепкой свиньи. Гисли предпочитал забирать часть улова — не слишком большую, чтобы рыбаки не возмущались, но достаточную, чтобы показать свою значимость, ведь он, Гисли, имел в женах настоящую ведьму. Единственную ведьму в деревне, а может, и на острове. В такие моменты, осматривая дары, он гордился Аннке, ластился к ней и говорил что-нибудь нежное.

Однако если Аннке не справлялась, если не получалось у нее усмирить море или наполнить землю силой, Гисли сердился. Бить не бил, но придирками изводил. Как же, ведь это его честь пострадала. Это на него рассчитывали люди, а Аннке, негодница такая, оплошала. Подвела его. Намеренно показала свой дурной нрав.

Имме за свою магию требовала ответную помощь или подарок — так Мона, когда ее дочка оправилась после болезни, связала теплый платок. Имме забрала его, когда сбежала с острова. Не смогла оставить такой хороший подарок. Аннке задумалась, что случилось с вещами сестры: хранятся ли они в доме Талли или же он все распродал, чтобы вернуться домой?

— Аннке, — позвал жену Гисли. — Аржан задал вопрос.

Аннке посмотрела на старика и кивнула.

— Я поговорю с морем.

В деревне слабо представляли, что именно делала Аннке и как ей удавалось говорить с природой. Когда она была помладше, то пыталась объяснить, что чувствует, но рассказ этот всегда выходил бессвязным. Аннке была частью земли, на которой они жили, частью моря, которое кормило их, и частью леса, который уходил вглубь острова. Она понимала переменчивое настроение природы. Понимала, что ей требуется и от чего она бушует. Аннке могла поговорить с природой, объясниться и попросить о помощи, а та отзывалась и помогала.

Когда Аржан и Палле ушли, Гисли повернулся к Аннке и сказал:

— Я хочу, чтобы моя мать пошла с тобой.

Прикусить язык Аннке не успела:

— Боишься, что я не справлюсь?

— Нет. Просто не хочу, чтобы ты расстраивалась.

— Почему ты решил, что я расстроюсь?

— Потому что у меня есть глаза и уши.

Аннке напряглась. Заставила себя улыбнуться и кивнула.

— Хорошо, пусть Бевин ходит со мной.

Берег встретил их прохладным ветром, запахом рыбы и водорослей. В небе кружили чайки и кричали так, что голова грозилась разболеться. Повсюду сустились люди, готовились выйти в море, но только после того, как Аннке поговорит с водой. Удивительно, что все они надеялись на ее помощь, ждали ее, но благодарили Гисли. Всегда и только его.

Мужчины возились с лодками и проверяли сети. Женщины сидели на камнях и чистили мелкую рыбу, которую успели поймать утром. Дети постарше помогали взрослым: собирали водоросли и ракушки, пытались поймать крабов. Самые маленькие носились вдоль берега, а за ними мчалась стайка собак. Аннке заметила знакомого пса и быстро выхватила взглядом его хозяина. Как всегда тихий и сосредоточенный, Роальд внимательно слушал старшего брата и что-то ему отвечал.

— Идем, — сказала Бевин. — Нечего время терять.

Они пошли по берегу, подальше от людей и их мирной жизни. Аннке боролась с желанием обернуться и еще раз взглянуть на Роальда — проверить, заметил ли он ее и смотрел ли ей вслед. Бевин — те самые глаза и уши — тяжело дышала, и Аннке, назло ей, не останавливалась. Быстро шла вперед, пока женщина не сказала:

— Стой. Мы достаточно ушли. Здесь никто мешать не будет.

— Как скажешь.

Раскрасневшаяся Бевин уселась на камень, а Аннке, скинув обувь и подняв тяжелые юбки, зашла в холодную воду и улыбнулась. Прежние тревоги наконец отступили, показались вдруг такими пустыми, несущественными и глупыми. Какое ей дело до Имме и Талли, до Гисли и Роальда, когда она могла соединиться с самой природой, почувствовать ее силу и мощь, услышать в своей голове ее таинственный голос?

Аннке сделала глубокий вдох и рассмеялась. В детстве она часто убегала из дома и целый день проводила у моря или в лесу. Босыми ногами исследовала дно, руками загребала песок и пропускала его через воду. Смотрела, как он исчезает, а руки ее очищаются. В лесу она забиралась в овраги, лежала и смотрела на кроны деревьев. Прислушивалась к пению птиц и пела сама.

Аннке была счастлива, а вместе с ней счастлива была и природа. Однако потом о даре узнали взрослые и захотели использовать его ради своих глупых целей. После этого проснулся дар Имме, и они стали одной из самых уважаемых семей на острове. Настолько уважаемой, что к ним пришел Гисли — молодой и красивый советник, у которого был свой дом, огород и множество животных. Гисли держал связь с Большим островом, привозил редкие заморские товары и к Имме пришел с корзиной подарков.

А пару месяцев спустя Имме сбежала с Талли, забрав почти все деньги, опозорив Гисли и разбив сердце родителям.

Только благодаря опыту Аннке не сбилась. Она попросила море вести себя спокойно, попросила его быть щедрым и позаботиться о рыбаках. Она отдала ему частицу себя, а на обратном пути почувствовала знакомую слабость. Такое иногда случалось: магия не только давала, но и забирала. Забирала силы и здоровье. Наверное, даже возможность забеременеть. Так думала Бевин — и однажды сказала об этом сыну, полагая, что Аннке не слышит.

Аннке не знала, правда это или нет, но не расстраивалась. Как-то раз ее привели к повитухе, но та после долгого и неприятного осмотра сказала, что Аннке здорова. Тело ее было крепким, а бедра широкими — она спокойно могла выносить не одно дитя. Поначалу Аннке боялась, что Гисли станет злиться, но со временем успокоилась, а потом, видя на одежде или простынях новую кровь, начала благодарить богов за их милосердие.

Они вернулись к рыбакам, и Бевин сказала, что дело сделано. Аннке чувствовала на себе взгляд Роальда и вздрогнула, когда в руку ей ткнулся мокрый песий нос. Токке помнил ее запах и всегда так с ней здоровался.

— Прости, — пробормотал Роальд и оттащил Токке. — Он сегодня балуется.

— Только сегодня? — улыбнулась Аннке.

Роальд выдохнул и посмотрел ей прямо в глаза.

— Нам пора домой, — сказала Бевин. — У Аннке много дел.

Окрыленная одним-единственным взглядом, Аннке возвращалась домой, и даже причитания Бевин не могли испортить ей настроение. Нет, это сделала не свекровь. Это сделал Талли. Ублюдок и трус Талли.

Аннке не сразу заметила его среди толпы, а когда заметила, то остановилась и замерла как громом пораженная. Талли не просто посмел вернуться на остров, где о нем вспоминали с явным неодобрением. Он посмел выйти в люди, посмел заговорить с ними, словно ничего не произошло. Словно не он погубил Имме. Словно не он увез ее из дома, заставив выбирать между ним и семьей. Между ним и Аннке.

— Пошли, — велела Бевин и попыталась увести Аннке. — Пошли, дурная.

Аннке не сдвинулась с места. Она ждала, но сама не понимала чего. Рассматривала Талли и отмечала все изменения: он возмужал за эти три года и больше не выглядел как глупый мальчишка, однако лицо его, всегда такое живое и улыбочное, теперь казалось мертвым.

Талли увидел их с Бевин и застыл. Соседи, с которыми он разговаривал, проследили за его взглядом, заметили Аннке и покачали головами. Один что-то шепнул другому.

— Что ты устроила, а? — прошипела встревоженная свекровь. — Что я тебе говорила?

Аннке продолжала смотреть на Талли, а на других не обращала внимания. Люди всегда о чем-нибудь говорят, даже если ничего не происходит. Даже если Аннке ведет себя смирно.

Талли все-таки сдался: опустил голову, простился с соседями и поспешил убаться с улицы. Аннке горько усмехнулась и повернулась к Бевин:

— Идем домой. У нас много дел.

Глава 3

В доме родителей привычно пахло деревом и горькими травами. Аннке поправила оберёг на двери, поставила на стол корзину с едой и сунула в материнскую руку мешочек с монетами. А потом крепко обняла младшего брата.

— Ты когда-нибудь перестанешь расти? — в шутку спросила она, разглядывая бледного и лопоухого Эрри.

— Не перестану. Я собираюсь перерастить старика Янна, а потом начну пугать детей по ночам. А то они совсем страх потеряли, шастают где попало.

Аннке рассмеялась. В детстве они до ужаса боялись Янна и гадали, чем же он так умаслил богов, что ему даровали такой рост. Люди говорили, будто в детстве Янн принес в жертву новорожденную сестру: отдал ее богине-матери Зилле, а взамен попросил сделать его самым высоким и сильным человеком на свете. Имме в эти сказки не верила, в отличие от Аннке и Эрри.

— Кстати, Бейл берет меня в ученики, — сказал брат. — Меня и еще нескольких ребят.

— Ты, кажется, не хотел по стопам отца идти.

— Ну, плотники всегда нужны. Кто знает, может, потом на Большой остров переберусь.

— Дело хорошее. — Аннке повернулась к матери. — А вы как? Никто не беспокоит?

Та пожала плечами. Ранья всегда была немногословной, а после побега старшей дочери совсем ушла в себя, так что Аннке и не ждала от нее честного признания.

— А почему нас должны беспокоить? — спросил Эрри. — Из-за Имме, что ли?

— Не знаю. Просто спрашиваю.

В дом вернулся отец. Посмотрел на Аннке, кивнул и поздоровался вполголоса.

— Ну, я матери объяснил, что если кто пристанет, пусть мне скажет. Мы с Гисли быстро разберемся.

— Вы с Гисли?

— Да. Гисли сказал, что я хоть и юн, но тоже отвечаю за семью. Я должен заботиться о вашей чести и добром имени, — рассудил Эрри. — Но мужчины все понимают и не лезут. Это женщины вечно сплетничают. А я считаю, что лучше вообще ничего не говорить. Все, Имме больше нет.

Мать издала какой-то жалобный звук и ушла в другую комнату. Аннке вздохнула.

— Я не прав, что ли? — спросил Эрри. — Имме нас опозорила. Чем раньше мы забудем о ней, тем лучше.

— Если бы все было так просто, — сказал отец и ушел за женой.

— Ай, ничего они не понимают! — махнул рукой Эрри. — Ты-то согласна со мной?

— Конечно, — кивнула Аннке. — Забудем, как она пела нам колыбельные перед сном. Как лечила тебя. Как мы с ней учили тебя плавать.

— Я не это имел...

— Забудем про вылазки в лес. Забудем, как Имме утешала нас после смерти дедушки. Ты помнишь дедушку? Ты его очень любил, везде за ним ходил. Давай и его забудем? Давай всех забудем!

Аннке стало трудно дышать. Она смотрела на растерянного Эрри, но видела в нем будущего Гисли, а потому в раздражении выскочила из дома. Столько светлых воспоминаний — и все ради того, чтобы об Имме вспоминали со стыдом и упреком. Неужели это все, что от нее останется? Неужели стыд окажется сильнее любви?

Аннке не желала возвращаться ни к родителям, ни в дом Гисли. Ей хотелось убежать в лес, прямо как в детстве, и спрятаться в каком-нибудь овраге. Хотелось, чтобы корни деревьев обвили ее и крепко к себе прижали, чтобы защитили ее и уберегли от всех невзгод. Раньше

таким деревом, крепким и могучим, была сестра. Имме обнимала ее, утирала горячие слезы и целовала в макушку. Не к матери бежала Аннке в трудные минуты и не к отцу — к сестре, всегда и только к ней.

Ноги привели Аннке не в лес, а к воде. К соленому воздуху и шумным волнам. На берегу не было ни души, даже самой одинокой. Аннке смотрела на горизонт, а сама думала, как же ей жить теперь, когда сестры не стало. К кому она побежит? Кто обнимет ее, утрет слезы и поцелует в макушку? Неужели не осталось ни одного человека, на которого Аннке сможет положиться? Сердце заняло от этих мыслей, а в груди все сжалось от невыплаканных слез.

Она одна. Совсем одна. И справляться со своими горестями тоже должна в одиночку.

К вечеру заморосил мелкий дождь, и Аннке, приведя себя в порядок, поспешила домой. На крыльце сидела Финелла — поникая, с покрасневшими глазами и носом. Аннке хотела спросить, что случилось, но вспомнила их утреннюю перебранку и прошла мимо.

— Ты где была? — грубее обычного спросил Гисли.

— У родителей.

— Я просил не задерживаться.

— Что-то стряслось, пока меня не было?

Гисли вскинул голову.

— А если бы стряслось? Если бы матери или сестре вдруг понадобилась помощь, а тебя не было бы рядом?

— Уверена, ты бы помог, — мягким тоном отозвалась Аннке. — Ты ведь за нас в ответе и не допустишь, чтобы случилось что-то плохое.

Гисли подошел к ней и посмотрел сверху вниз.

— Да. Жаль только, что ты этого не ценишь. — Он подхватил ее за подбородок и усмехнулся. — Я все для тебя делаю, Аннке. Забочусь, оберегаю. Неужели в тебе нет ни капли благодарности? Что ж у тебя за сердце-то такое?

— Какое?

— Холодное.

Может, у нее и правда холодное сердце. Холодное и одинокое. Может, ей стоит забыть обо всех обидах и стать для Гисли хорошей женой — той, что любит его и мечтает подарить ему детей, заботится о семье и с благодарностью принимает все, что дают. Может, тогда жить станет легче и спокойнее. Многие женщины смиряются и стараются находить хорошее в том, что им досталось. Почему бы ей не стать такой же? Хотя бы попробовать стать такой же.

В этот вечер Аннке не нашла сил сопротивляться и спорить с Гисли. Мысленно презирая себя за следующие слова, она прошептала:

— Прости. Прости, что задержалась и заставила тебя волноваться.

— Сегодня прощаю, — вздохнул Гисли и поцеловал ее. — Ты в последнее время сама не своя, я вижу. Правда вижу. Но пора уже взять себя в руки, хорошо?

Аннке кивнула и с трудом, но вытерпела ласки мужа.

Глава 4

Общий Дом в это утро гудел — такого у них давно не случалось. Люди рассаживались по скрипучим лавкам, пристраивались у стен, занимали места на улице и шептались, шептались, шептались. Аннке уселась рядом с Гуллой, своей хорошей знакомой, и теперь разглядывала молодого человека, который сидел по правую сторону от советников. По левую сторону расположились Отто и Авилла, брат и сестра.

Первое слово взял Гисли:

— Сегодня мы с вами собрались, чтобы выслушать Геро, сына Рутгера. — Гисли указал на молодого человека. — И решить спор, который возник между ним и Отто с Авиллой. У каждого в этом зале будет возможность высказаться, а затем советники примут окончательное решение. Геро, мы внимательно тебя слушаем.

Геро встал и, прокашлявшись, обратился к людям:

— Многие из вас наверняка помнят моего отца. Он совершил страшное убийство, и вы по праву изгнали его. Двадцать пять лет он жил на Большом острове и ни разу не нарушил вашей воли. Он принял свое изгнание и не беспокоил вас. Женился и завел семью. Но сейчас отец болен. Лекари говорят, что жить ему осталось недолго. Говорят, что весны он, скорее всего, уже не увидит. Теперь он просит лишь об одном: умереть на родной земле. Лечь в землю предков — его последнее желание. Вот с чем я прибыл к вам.

Тишина была недолгой: как только Геро умолк и сел, люди тут же зашептались. Гисли поднял руку и заявил, что нужно выслушать вторую сторону.

— Нам с сестрой было десять, когда убили отца, — заговорил Отто, поднявшись, чтобы все хорошо его видели. — Мать лишилась не только мужа, но и кормильца. Нам всем пришлось взяться за работу. Мы пахали с утра до ночи, чтобы заработать себе на пропитание. Сестра до крови натирала руки и плакала, а у меня не оставалось сил, чтобы успокоить ее.

Авилла кивала, а Отто продолжал:

— Мать умерла раньше времени. Из-за горя и жизни, на которую ее обрек Рутгер. У меня и у сестры теперь свои семьи. И дети тоже есть. Они почти не помнят бабу и совсем не знают деда. Рутгер хочет умереть на родине? Наш ответ — нет. Не видать ему земли предков.

Отто сел, а советник Карвин спросил:

— Желает ли Авилла высказаться?

Авилла посмотрела на Отто и после его кивка встала. Она была зрелой женщиной, но сейчас, заговорив о прошлом, стала похожа на маленького, невинного ребенка.

— Я помню ту ночь. Помню маму. Она все время плакала, а мы с братом пытались ее успокоить, вот только она нас совсем не замечала. Она думала о муже. Гадала, почему Рутгер убил его. Ты знаешь, почему он это сделал? — обратилась Авилла к Геро. — Знаешь, почему твой отец убил моего?

Геро кивнул.

— Я не желаю, чтобы Рутгера хоронили рядом с моими родителями, — продолжила Авилла. — Пусть умирает на чужой земле!

Она села и что-то горячо зашептала брату на ухо. Геро смотрел в пол.

— Ты знаешь, из-за чего Рутгер убил их отца? — спросила Аннке у Гуллы.

— Ой, это такая история! Говорят, Рутгер любил их мать. — Гулла указала на Отто и Авиллу. — А вот Лотте его не любила и замуж вышла за Джорди. Рутгер вроде как смирился и отпустил ее, но, наверное, жуть как ревновал. А в ту ночь сорвался.

— Безумие, — прошептала Аннке.

— А то!

— Нет. Безумие — десять лет мирно прожить в одной деревне, а потом сорваться. Странно звучит, не думаешь?

Гулла пожала плечами.

— Я хорошо знал Рутгера, — сказал Адди, тонкий седовласый советник. — Он был толковым парнем и хорошим работником. Никогда ни на что не жаловался. Ни с кем не ссорился. Поэтому так тяжело было смотреть на него в ту ночь. Мы не верили, что он это сделал. Что убил товарища. Но теперь нам нужно решить, искупил ли Рутгер свою вину. Может, двадцати пяти лет достаточно, чтобы заслужить прощение?

— Нет! — выкрикнула Авилла.

— Закон есть закон, — заявил кто-то из соседей. — Изгнание до самой смерти.

— Но он же не просит многого, — услышала Аннке голос Дейви, мужа Моны. — Просто умереть на родной земле.

— Наш отец мог бы прожить долгую жизнь на родной земле, — сказал Отто.

Аннке смотрела на соседей, слушала их обсуждения и не могла понять, что же было не так. Долго она собиралась с силами, а потом, улучив момент тишины, встала и произнесла:

— Мне кажется, одна из сторон что-то недоговаривает. — Аннке посмотрела на Отто и Авиллу. — Десять лет Рутгер и Джорди жили в мире, а потом один сорвался и напал на другого. С чего бы? Объясните, что такого случилось в ту ночь, что Рутгер пошел на убийство?

Аннке поймала на себе взгляд Гисли, но не могла понять, что он значил. Она села и понадеялась, что ее слова не сочтут дерзостью, потому что сама она лишь хотела узнать всю правду.

— Я хорошо помню ту ночь, — раздался глубокий женский голос.

Все обернулись и посмотрели на отшельницу Маретту. Она стояла у стены, скрестив руки на груди и нахмутив светлые брови. А затем прошла вперед, к столу советников.

— До пожара мы с матерью жили рядом с Джорди и Лотте. Много чего видели и слышали, но сейчас не об этом речь. В ту ночь я вышла на улицу и услышала мужские голоса, прямо у дома Джорди. А еще услышала испуганный голос Лотте. Все они были на улице.

Геро с надеждой ловил каждое слово Маретты.

— Джорди был нехорошим человеком. Недобрым, особенно когда пил. А пил он в то время часто. И срывался часто. Может, не на детях, — признала Маретта, посмотрев на Отто и Авиллу, — но на жене точно. В ту ночь Рутгер не позволил ему сорваться. Чем все закончилось, вы знаете.

— Почему же ты ничего не рассказала тогда? — спросил Гисли.

— Я говорила. Но странных девочек обычно никто не слушает.

Маретта сказала последнее слово и вышла из Общего Дома.

— Кто-нибудь еще желает высказаться? — спросил Гисли, но не получил ответа. — Хорошо. Тогда мы уходим, чтобы принять окончательное решение.

Советники перешли в соседнюю комнату, а люди заговорили кто о чем. Аннке шепнула Гулле, что скоро вернется, и вышла на улицу подышать. Маретта еще не ушла — бродила возле Дома и, завидев Аннке, жестом подозвала к себе.

— Зайди ко мне, когда будет время, — попросила она. — Дело есть.

— Какое? Дела в нашем доме ведет Гисли.

— Мне нужен не Гисли, а ты. И дела я хочу вести с тобой.

Аннке задумалась. Обернулась и посмотрела на Дом, но, судя по громким разговорам, советники еще не вернулись.

— Ну хорошо. Если получится.

— Прекрасно, — улыбнулась Маретта и пошла прочь.

— Ты не останешься? — громко спросила Аннке.

— А зачем? Я знаю, что они решат.

Когда Аннке проветрила голову и вернулась в Общий Дом, советники уже заняли свои места и призывали к тишине. Гисли поднялся, спокойно осмотрел собравшихся и объявил:

— Несмотря на то что слова Маретты многое прояснили сегодня, совет не может закрыть глаза на горе Отто и Авиллы. Закон есть закон. Каким бы человеком ни был Джорди, каждому ребенку нужен отец, жене — защитник, а семье — кормилец. Мы не станем менять прежнее решение и не позволим изгнаннику Рутгеру вернуться. Отто и Авилла этого не желают, и мы не нарушим их покой. — Гисли повернулся к Геро. — Однако мы не запрещаем тебе взять горсть родной земли и привезти ее отцу. Пусть хотя бы это послужит ему утешением перед смертью. Большого мы дать не можем.

Геро кивнул. На этом совет был окончен. Люди вставали и расходились, обсуждая принятое решение и бытовые дела. Кто-то подходил к Отто и Авилле и утешал их. Геро что-то спросил у советника Адди, а затем стремительно покинул Общий Дом.

Аннке услышала смех Гисли и посмотрела на мужа. Самый молодой из советников, он пользовался доверием и уважением деревни. Обе стороны Гисли слушал с вниманием и сочувствием, сам говорил спокойно и взвешенно, но несколько дней назад обвинял Аннке в холодности, а вчера опять набросился с упреками, увидев на белье кровь. Поразительный человек!

Аннке отыскала Бевин и Финеллу, и домой они отправились вместе. Свекровь молчала, но Аннке не сомневалась, что вопросы, заданные на собрании, не останутся без внимания. Однако Бевин так ничего и не сказала: ни когда они зашли в дом, ни когда взялись за готовку. В этот раз решили приготовить мясо — редкое блюдо на их столе.

— Она не хочет тратить на тебя свои силы, — с издевкой произнесла Финелла, когда они с Аннке остались наедине. — Пусть мой брат тебя воспитывает.

— Знала бы ты, с каким нетерпением я жду твоей свадьбы, дорогая сестрица, — нашла с колкостью Аннке. — Я молюсь, чтобы Гисли выбрал тебе самого старого и уродливого мужа.

Лицо Финеллы перекошилось.

— Я хотя бы смогу родить ему ребенка. А ты навсегда останешься бесплодной.

Аннке выдохнула и улыбнулась: если бы Финелла знала, сколь приятными и обнадеживающими были эти слова, она бы разозлилась еще сильнее.

Гисли вернулся к обеду и, к удивлению Финеллы и облегчению Аннке, пребывал в хорошем расположении духа. Он накинулся на еду и даже не вспомнил о выступлении Аннке — в этот раз гроза их миновала.

Наевшись и утерев рот, Гисли посмотрел на Финеллу и сказал:

— Мы выбрали для тебя мужа, любимая моя сестра. Хороший человек, мать одобрила.

Аннке посмотрела на Бевин и поняла причину недавнего молчания. Не о ней женщина думала все это время, а о дочери. У Финеллы задрожали губы, но она смогла вымолвить:

— И кого?

— Логана.

— Советника Логана? Но он же ст... — Финелла не договорила.

Гисли нахмурился.

— Старый, ты хотела сказать? — подсказала Аннке. — Перестань, он же в самом расцвете сил. Достойный выбор!

— Аннке права, — сказал Гисли. — Он всего на несколько лет старше меня. Тебе нужен опытный человек, Финелла. Кто-то, кто направит тебя. Сделает из тебя достойную жену. Мы с Логаном обо всем договорились. Свадьбу устроим в конце лета.

Финелла опустила голову и, к чести своей, не заплакала. Аннке знала, что для слез та найдет другое место. Оно есть у каждой женщины: тихое, укромное, где можно и поплакать, и покричать. Финелла, наверное, думала, что станет тем самым исключением, но Аннке знала: для этого нужно быть смелой и волевой. Как Имме.

Глава 5

К Маретте Аннке пришла не сразу: два дня она думала, сказать Гисли о просьбе отшельницы или нет, а еще два дня собиралась с духом и убеждала себя, что поход к соседке никого не разозлит. В конце концов, Аннке была взрослой женщиной. Замужней женщиной. Ведьмой. Она ничего не сказала ни Гисли, ни Бевин и, вычистив хлев, ушла якобы на прогулку.

Старый дом Маретты и ее матери сгорел много лет назад. Поговаривали, что пожар устроила сама Маретта, так что мужчины, собравшись и поразмыслив, решили построить новый дом подальше от остальных. На случай нового пожара или какой другой напасти. Сейчас Аннке была этому рада: не хотелось, чтобы чей-нибудь любопытный глаз заметил ее.

— Проходи. — Маретта впустила Аннке в дом. — Спасибо, что пришла.

Аннке не хотела затягивать встречу и сразу же спросила:

— Какое у тебя ко мне дело?

— Чаю выпить не желаешь?

— Нет.

— Ну ладно. Дело для тебя, наверное, несложное. Мой огород совсем зачах. Боюсь, осенью не даст ничего приличного. В прошлом году я оголодала и второй раз не хочу через это проходить. Ты можешь поговорить с землей?

Аннке подошла к окну и взглянула на скромный огород Маретты. Суший пустяк — она и не с таким справлялась.

— Хорошо.

— Да? Славно! Какой будет цена?

Такой простой вопрос, но Аннке не нашлась с ответом: стояла, смотрела на женщину, а в голове не было ни одной толковой мысли. Что она могла потребовать? И могла ли?

— Я... не знаю, — честно ответила Аннке. — Цену всегда назначает муж.

— Понимаю. Но ведь магию творишь ты. Почему бы в этот раз не взять то, что нужно тебе, а не Гисли?

— А что ты можешь предложить?

Маретта призадумалась.

— Что-то мне подсказывает, что ты никому не сказала о нашей встрече. Я ничего не смогу тебе подарить, иначе дома заметят, верно?

Аннке кивнула.

— Могу отдать по осени часть урожая. Скромную, но честную. И ты сама выберешь, что забрать. Устроит тебя такой вариант?

— Пожалуй.

— Значит, сделка?

Маретта протянула руку, и Аннке не слишком уверенно, но все же пожала ее.

— Сделка.

До чего приятно было использовать магию по своему желанию, а не по велению Гисли. Аннке сидела на коленях, растирала в ладонях землю и ощущала знакомый покой. Любая земля, даже самая бедная и истощенная, рано или поздно отзывалась на ее голос и прикосновения. Аннке подняла глаза к небу и улыбнулась, предвкушая хорошую работу.

Долго возиться не пришлось: Маретта даже беспокоиться не успела, как Аннке поднялась и, отряхнув юбки и вытерев о них руки, вернулась в дом с чувством приятного удовлетворения.

Голова кружилась, и Аннке присела за стол, в этот раз решив не отказываться от чая. Маретта оказалась приятной хозяйкой, совсем не странной. Да, жила одна, без мужа и детей, но, кажется, была этим довольна. Она поставила на стол чашки и мешочек с сухарями.

— Спасибо.

— Тебе спасибо. Гисли говорить будешь?

— Пока не буду. Но если спросит, врать не стану.

Аннке медленно пила чай и, пока голова прояснялась, позволила себе оглядеться. Дом у Маретты был простой, чистый и тихий. На полках стояла глиняная посуда и фигурка бога Улана, над столом висели толстые пучки трав, а на стене — длинное полотно, с вышитыми разноцветными нитками узорами.

— Ты хорошо в них разбираешься? — спросила Аннке, указав на травы.

— Да. Когда живешь один, быстро учишься.

— И тебе не одиноко? Извини, если вопрос грубый...

Маретта не обиделась. Подлила себе чаю и сказала честно:

— Иногда. Но реже, чем ты думаешь. — Женщина посмотрела на Аннке, будто прикидывая, стоит ли продолжать. — Одиночество ведь разное. В большом доме тоже можно быть очень одинокой. Но здесь я сама себе хозяйка.

Аннке кивнула, хотя на самом деле не знала, каково это — быть себе хозяйкой.

— Говорят, твою сестру можно поздравить.

Аннке не сразу поняла, о какой сестре идет речь, а затем фыркнула.

— О да. Советник Логан — отличный выбор. Финелле очень повезло.

— Правда? — Маретта прищурилась. — Мне Финелла не показалась такой уж... счастливой. Думаешь, муж и правда придется ей по душе?

— Да. Она привыкнет и присмирее. Нечего ей... — Аннке осеклась и мысленно себя отругала. — Знаешь, мне пора. Не хочу задерживаться.

— Точно?

— Да, да. Я и так засиделась.

— Ну ладно. Заходи еще, если пожелаешь. Я гостям рада.

Маретта, если и обратила внимание на покрасневшие щеки Аннке, виду не подала. Проводила ее на улицу и еще раз поблагодарила за помощь. Домой Аннке возвращалась с тяжелым сердцем, спрашивая себя, почему вообще решилась говорить так откровенно. Она ведь почти не знала Маретту, но все равно рискнула прийти к ней, помочь да еще и остаться на чай. Дурная она, и правда дурная.

К вечеру погода начала портиться. С неба на деревню опускалась серость, а в воздухе запахло скорой грозой. Аннке заволновалась, что не дойдет до дома до первых капель, и заторопилась, приподняв юбки и стараясь нигде не споткнуться. Позади раздался громкий голос.

— Аннке! Аннке! — кричали ей вслед. — Стой! Да постой же ты!

Аннке остановилась. В груди от одного голоса поднималось что-то нехорошее.

— Что? — процедила она, обернувшись к нагнавшему ее Талли.

— Поговорить хочу.

— Мне не о чем с тобой разговаривать.

— Аннке...

— Что? Что такого ты можешь мне сказать?

— Я извиниться хотел.

— Да ну! С чего бы? Неужели ты что-то натворил? Неужели идеальный Талли совершил ошибку? Не поверю!

Аннке не могла сдерживаться, а Талли, трус такой, смиренно принимал все обвинения. Горькие слова, долго запертые внутри, прорывались теперь наружу, обрушивались на него, точно ливень на деревню.

— Талли не может совершить ошибку! — гремела она. — Нет, он все делает правильно, во всем уверен и никогда не думает о последствиях. Никогда не задумывается о будущем. Ведь если бы задумался, то не стал бы увозить мою сестру.

— Ты права.

— Конечно права! Ты трус. Жалкий трус. Увез Имме, а потом позволил ей умереть. И когда вернулся, то... то даже не смог найти меня и рассказать обо всем лично. Почему? Почему мне пришлось узнать обо всем от отца и Гисли, а не от тебя?

— Мне было стыдно, — признался Талли и подошел вплотную к Аннке. — Прости, что забрал твою сестру. Прости, что не уберег ее. Прости, что ты узнала обо всем вот так.

— Не прощу я тебя! — прокричала Аннке. — Никогда и ни за что не прощу!

Резкий раскат грома заставил их обоих вздрогнуть и поднять глаза к небу.

— Мне нужно домой, — пробормотала Аннке, почувствовав знакомую слабость в теле. Нельзя ей больше злиться.

— Аннке, — взмолился Талли, взяв ее за руку. — Мы всегда были хорошими друзьями. Пожалуйста...

— Не друзья мы больше, так что держись от меня подальше.

Добежать до дома Аннке не успела: хлынул противный ливень. Одежда ее намокла, неприятно липла к телу, а с волос стекала вода. Замерзшая и злая, Аннке влетела в спальню, разделась и, голая, уселась перед жаровней. Протянула к ней дрожащие руки и выдохнула. Она не собиралась срываться на Талли, не собиралась злиться на слишком свободолюбивую Имме, кричать и уж тем более призывать дождь. Магия немного вышла из-под контроля.

Нехорошо это, ох как нехорошо.

В таком состоянии Аннке и нашел Гисли. Он окинул ее жадным взглядом, присел рядом, шутливо пожаловавшись на погоду, и откинул ее длинные волосы за спину. Тело Аннке покрылось мурашками.

— Из-за чего моя ведьма грустит сегодня? — спросил Гисли с лукавой улыбкой, погладив Аннке по плечу. — Что случилось?

— Ничего, — пробормотала Аннке. — Я просто устала.

— От чего ты могла устать?

Гисли придвинулся к ней и коснулся губами нежной кожи. От него сильно пахло элем. Аннке сморщилась и втянула воздух, когда почувствовала широкую ладонь на своей груди.

— Гисли, не надо.

Аннке попыталась отстраниться. Меньше всего ей хотелось выполнять супружеский долг, но Гисли уже не слушал. Губы его блуждали по телу жены: по шее и ключицам, по холодному плечу и мягкой груди, в то время как руки спускались к бедрам. Гисли попытался уложить Аннке на пол, но она воспротивилась и сказала громче обычного:

— Я не хочу!

Гисли замер и нахмурился.

— Что это значит?

— Это значит, что сегодня я не хочу спать с тобой, — раздраженно бросила Аннке и, выпутавшись из объятий мужа, поднялась. Она достала из шкафа сухое платье и под недовольным взглядом надела его. — Хотя раз можно услышать меня и остановиться.

Гисли встал и нарочито спокойным тоном заметил:

— Тебя послушать, так я насильничаю тут. Раньше ты не жаловалась.

— А теперь жалуюсь. Я устала и хочу отдохнуть. Любой достойный муж это поймет и оставит жену в покое.

Гисли приблизился к Аннке и, поглядев на нее сверху вниз, усмехнулся.

— Жаль, что мои желания тебя не волнуют. Хорошо. Я понимаю, все понимаю. Великодушно оставляю тебя отдыхать.

Гисли ушел, а Аннке упала на постель, дрожа то ли от усталости, то ли от испуга. Раньше она никогда не отказывала мужу. В любом настроении, в любом состоянии она принимала

его ласки, терпела их и не жаловалась. Однако сегодня что-то в ней воспротивилось, что-то переменилось, и Аннке не знала, к лучшему или к худшему.

Она разозлилась еще сильнее.

Глава 6

Аннке невыносимо было смотреть на советника Логана — мужчину крепкого и не такого уж старого — и бледную Финеллу, которая слова не могла вымолвить: только сидела, уставившись в пол, и иногда кивала, если к ней обращались.

Аннке вспоминала свои смотрины, через которые их семьям пришлось проходить дважды. Тогда она кожей чувствовала всеобщую неловкость, слушая те же признания и обещания, принимая те же подарки, которые когда-то принимала Имме. До той поры Гисли не обращал на Аннке внимания, не замечал ее, но после побега Имме вдруг полюбил всем сердцем, о чем не преминул сказать Ранье и Герту.

Бевин рассказала, что традиции в их деревне были куда мягче, чем в ее родной.

— Моя мать увидела моего отца только в день свадьбы. У меня была возможность провести один день со своим мужем. Немного поговорить с ним и узнать его. Финелле повезло, что она выходит замуж за человека, которого знает всю жизнь.

Финелла наверняка не согласилась бы с матерью, но идти против ее воли не стала. Она смирилась, как до этого смирялись другие девушки. Как смирилась когда-то Аннке. Ей было семнадцать, когда она дала брачный обет, а Гисли — тридцать один. За три года они так и не обзавелись детьми и не обрели счастья. И вряд ли обретут.

Аннке разлила по чашкам свежий чай и предложила гостям привезенные с материка сладости. Гисли не хотел выглядеть скупым хозяином: для смотрин и самой свадьбы он велел приготовить самые вкусные блюда и отобрать самые вкусные напитки.

— Для Финеллы мне ничего не жалко, — сказал он.

После чаепития они вышли прогуляться. Погода стояла тихая, небо было затянуто молочными облаками, сквозь которые еле-еле проступал солнечный свет. Логан и Финелла шли впереди, за ними ступали Бевин и Ши́ра — мать Логана, а в самом конце плелись Аннке и Гисли.

— Что с Финеллой? — тихо спросил Гисли.

— Ты о чем?

— Она словно воды в рот набрала. Все утро молчит, на Логана даже не смотрит. Не дело это.

— Она волнуется.

— Скажи ей, чтобы перестала и начала говорить. Пусть хоть улыбнется ему для начала.

— Ты боишься, что Логан разочаруется в ней и передумает?

Рука, за которую держалась Аннке, вмиг напряглась.

— Ты, верно, думаешь, что говоришь умные вещи? — уже другим тоном спросил Гисли.

— Я говорю то, что думаю.

— А я скажу, что некоторые свои мысли лучше оставить при себе, если не хочешь понастоящему прогневать меня. Только из большой любви я терплю твои выходки, женщина, но и моему терпению рано или поздно придет конец.

— И что ты сделаешь?

Гисли остановился. Аннке чувствовала, что подошла к той самой черте, за которой скрывался ее настоящий муж. На мгновение она испугалась, но затем все-таки рискнула и самым невинным тоном поинтересовалась:

— Что делает Гисли, когда его терпению приходит конец?

— Он начинает относиться к людям так, как они того заслуживают, — с неприятной улыбкой ответил он. — Не забудь поговорить с Финеллой.

Весь день Аннке раздумывала над словами Гисли. Весь день посматривала на него, но не замечала ничего угрожающего. Расплата за утреннюю выходку пришла перед сном: в этот раз Гисли не спрашивал, как чувствует себя Аннке, не целовал и не гладил ее. Он просто стянул

с нее сорочку и взял с грубостью, которую раньше сдерживал. Аннке молчала, терпела и по привычке убеждала себя, что заслужила такое обращение. Утром она старательно не обращала внимания на боль между ног и выразительный взгляд Гисли, словно намекавший, что все это с легкостью может повториться.

Дни подготовки пролетали один за другим. Гисли обходил дома советников и их семей, заглядывал к соседям и приглашал их на свадьбу, обещая веселье, которого деревня давно не видела. Аннке с неохотой сопровождала его и вслед за другими женщинами повторяла, как повезло Финелле и какой счастливой женой она станет.

— В такие моменты вспоминаешь свою свадьбу, — сказала Гулла, когда они с Аннке шли по рынку. — Ох, ну и весело нам было! И твою свадьбу я тоже хорошо запомнила. Бедный Роальд так напился! Всю улицу облевал, помнишь?

Гулла рассмеялась, а Аннке содрогнулась: в тот вечер у Гисли появилась еще одна причина презирать Роальда.

— Кажется, это было совсем недавно, — продолжала Гулла, расплачиваясь за головку сыра и убирая ее в тяжелую корзину. — А теперь мы провожаем Финеллу. Как там у нее дела?

— Волнуется.

— Ох, понимаю! Все волнуются. Ты уж поддержи ее.

— Как скажешь.

Тем же вечером Бевин достала из сундука свое свадебное платье и придирчиво его осмотрела, вслух прикидывая, сколько сил и времени уйдет на перешивку. Финелла сидела рядом, но мать свою почти не слушала, а Бевин этого как будто не замечала.

Свадьбу в их деревне праздновали два дня: первый — в доме невесты, второй — в доме жениха. Дел хватало всем: Гисли и Логан договаривались с соседями насчет столов и лавок, Бевин и Аннке перебирали посуду и запасы для праздничного стола, собирали приданое, а Финелла расшивала скатерти и занавески для нового дома, медленно и без особого удовольствия. Иногда к ним приходила Ранья, помогала с уборкой и чисткой. Аннке в такие моменты поглядывала на мать, но заводить откровенные разговоры не спешила — не при чужих ушах.

За такими хлопотами лето и подошло к концу. Настал день свадьбы. Птицы еще не успели проснуться, а Бевин, Аннке и Ранья уже вовсю трудились на кухне. Когда с последними блюдами было покончено, Бевин ушла будить и собирать Финеллу. Аннке неторопливо украсила последний пирог, поставила его на стол и повернулась к матери.

— В то утро меня собирала Бевин, — вспомнила она, не сумев скрыть напряжения в голосе. — Кажется, у тебя тогда разболелась голова.

— Да, мне весь день было плохо.

— Мне тоже.

Ранья вздохнула.

— Аннке, хватит. Не тебе одной тяжело.

— Да. И сегодня к нам присоединится Финелла. Будем страдать вместе.

— Разве ты страдаешь? Наоборот, всегда говоришь, что у вас все хорошо.

Мать была права. Аннке, наученная держать лицо и терпеть, редко говорила правду. Она пряталась за пустыми словами. Пряталась за улыбками. За согласием. Три года назад она позволила другим людям решать за себя и теперь была обречена на жизнь в несчастливом браке. Часть вины лежала и на ней, и Аннке чуть не завывала, когда поняла это.

— Я, пожалуй, загляну к Финелле, — сказала она, желая сбежать от матери. — От меня напутственных слов она еще не слышала.

В комнате Финеллы было тихо и прохладно. Бевин возилась с волосами дочери, и Аннке ее не торопила — присела у окна и оглядела украшенный двор. Именно здесь Финелла принесет свою клятву: пообещает Логану быть верной и послушной женой, пообещает заботиться о нем и поддерживать его, а потом услышит ответную клятву. Советник Адди перевяжет их

руки красивой лентой — одним из подарков Логана — и навсегда объединит две семьи. Когда в церемонии участвуют по-настоящему влюбленные люди, смотреть на это приятно, но если кто-то несчастен, свадьба превращается в настоящее испытание.

Бевин ушла, и вскоре ее голос раздался где-то во дворе.

— Ну а ты чего сидишь? — спросила Финелла.

Аннке повернулась. Перешитое платье красиво сидело на тонкой фигуре Финеллы, а узоры, вышитые уверенной бабушкиной рукой, и сейчас вызвали восхищение. В таком добротном платье выходить замуж совсем не стыдно. На груди Финеллы красовалась брошь в виде птицы — материнский подарок, а на шее — тонкая цепочка, подаренная женихом.

— После свадьбы вы с Логаном останетесь вдвоем и разделите постель, — заговорила Аннке, не обратив внимания на тон Финеллы. — Мой тебе совет: повеселись на празднике, выпей чего-нибудь, а в постели не напрягайся. Расслабь бедра — будет не так больно, когда он войдет в тебя. Если утром увидишь кровь, не пугайся. Это нормально. Значит, ты стала женщиной. Если крови не будет, уколи палец — лучше на ногу — и запачкай немного белье. Чтобы никто не думал, будто ты раньше спала с мужчинами.

— Я не спала!

— Мне все равно.

— Ну да, конечно. Чего это ты мне советы даешь?

— Надоела ты мне. Не хочу, чтобы Логан вернул тебя обратно.

Финелла закатила глаза.

— Другие советы будут?

Аннке задумалась. Еще раз взглянула на Финеллу и поняла, что перед ней сидит обычная испуганная девушка. Вчерашний ребенок, которого вскоре отдадут взрослому мужчине и введут в новый дом.

— Если муж окажется грубым, если поднимет на тебя руку, не молчи. Стоит хоть раз стерпеть жестокость, как она войдет у него в привычку.

— И что мне делать?

— Логан — один из советников, так что властью Гисли его не напугать, но... — Аннке слабо улыбнулась. — Ты всегда можешь напомнить, что твоя сестра — ведьма.

— Сестра? — фыркнула Финелла.

Аннке пожала плечами.

— Перед людьми и перед богами — да, сестра. Но не забывай, что я терпеть тебя не могу.

— Я тоже. Терпеть тебя не могу. Но спасибо за советы.

Аннке кивнула и вышла из комнаты. Сегодня она сделала больше, чем в свое время делали для нее.

Свадьба прошла безупречно. Логан и Финелла по очереди произнесли клятвы и соединили свои жизни. Как только они разделили первую чашу эля и сели за стол, начался праздник. Люди с восторгом накинулись на еду: ради такого важного дня Гисли приказал зажарить откормленную свинью и нескольких ягнят, а еще велел запечь с травами лучшую рыбу, которую выловили рыбаки. Пироги Аннке, сытные и сладкие, тоже не остались без внимания. Лучший кусок Логан преподнес Финелле, и она через силу, но все-таки съела его.

Аннке почти не притрагивалась к еде, зато охотно пила вино, которое Гисли привез с Большого острова. Она тоже хотела повеселиться на празднике, чтобы потом не напрягаться в постели.

Когда зазвучала музыка, некоторые соседи вышли из-за столов и пустились в пляс. Первый танец с Гисли Аннке честно выдержала и даже получила от него удовольствие, но потом предложила мужу порадовать других соседок. Дважды повторять не пришлось: Гисли протянул руку Ранье и утащил ее в самую гущу веселья.

— В молодости твоя мать могла танцевать до самого утра, — сказал Аннке отец. — Даже без музыки.

— А ты почему не танцуешь?

— Ноги уже не держат. Я лучше на других полюбуюсь.

— Значит, если я позову тебя танцевать, ты мне откажешь?

Отец улыбнулся несмело и покачал головой.

— Нет, не откажу.

И они пошли танцевать.

В конце праздника Логан проводил Финеллу до дверей дома и под улюлюканье гостей оставил целомудренный поцелуй на ее бледной щеке. Все знали: сегодня Финелла в последний раз ляжет спать в старом доме, а завтра, после такого же яркого и веселого дня, переступит порог нового дома и начнет новую жизнь.

Глава 7

У Аннке ушло несколько дней, чтобы обойти каждое хозяйство и поговорить с землей. Это была их традиция — защита от внезапной беды или капризов природы, способных в последний момент погубить урожай. В таких прогулках ее сопровождал Гисли: хотел лично за всем проследить и услышать положенные благодарности. Лишь несколько семей выразили признательность не только ему, но и Аннке, а та старательно не обращала внимания на недовольство мужа.

Такие обходы Аннке всегда давались тяжело — весь следующий день она отлеживалась в постели и приходила в себя. Однако в этом году Финелла перешла в новый дом и постепенно привыкала к роли хозяйки, Бевин лишилась ее помощи, поэтому Аннке не могла даже подумать об отдыхе. Ее привычно подняли утром, отправили прибираться в хлев и ухаживать за животными, а потом погнали на рынок.

— У тебя усталый вид, — сказала Маретта, когда Аннке рискнула заглянуть к ней в гости. — В доме все хорошо?

— Да. Просто работы прибавилось.

— Понимаю. У меня тоже иногда столько дел накопится, что с утра до вечера спины не разгибаю. Все болит, но приходится трудиться.

— Неужели тебе не помогают?

— Помогают, конечно, если прошу. Но я не хочу садиться на чужую шею. Что могу, делаю сама.

Аннке на мгновение задумалась: смогла бы она жить как Маретта — в одиночестве, на отшибе, держа на себе целое хозяйство? Она представила пустой дом, в котором стала бы полноценной хозяйкой, и испугалась.

В дверь постучали, и Аннке вздрогнула.

— А, это Лилли! — воскликнула Маретта и вышла из-за стола. — Я ей кое-какие травы должна передать. Подожди меня.

Женщина скрылась за дверью. Аннке осталась одна и старалась не прислушиваться к чужим голосам, но Маретта так громко объясняла глуховатой Лилли, как пить травы, чтобы спокойно ходить в туалет, что Аннке не выдержала и рассмеялась. Люди точно так же приходили к Имме и искали у нее совета.

— Неужели я вижу улыбку на этом чудесном лице? — добродушно спросила Маретта, проводив Лилли и вернувшись в комнату. — Что тебя так позабавило?

— Я просто вспомнила сестру. Иногда к ней с такими болячками приходили — жуть!

— Ох, чем старше становишься, тем больше болячек вылезает. Имме хорошо с ними справлялась. Да и успокоить всегда умела. Люди теперь ко мне заходят, но все равно частенько вспоминают твою сестру добрым словом.

Аннке прищурилась и спросила недоверчиво:

— Неужели? А я слышала только плохое.

— Ну, злые языки всегда громче говорят. И дольше, особенно когда в жизни ничего хорошего не происходит.

Об этом Аннке знала не понаслышке.

— Жаль их, конечно, — продолжала Маретта. — И сестру твою, и Талли. Попытались начать новую жизнь, да не вышло.

— Ты жалеешь Талли?

— А ты нет?

— Талли увез Имме и позволил ей заболеть. Трусливо приполз домой, а я теперь должна его жалеть? — Аннке и сама не заметила, как вспыхнула. — Нет, его я жалеть не стану!

— Как интересно! А почему ты всю вину возлагаешь на одни плечи?

— Я не... не возлагаю.

— Разве Имме не виновата в том, что случилось? Не силой же ее увезли с острова. Она сама приняла это решение.

— Да, приняла. Глупое решение! Она бросила нас.

— Нас? Или тебя?

— Я...

У Аннке перехватило дыхание, а Маретта продолжила:

— Неужели тебе никогда не хотелось сбежать? Оставить свое прошлое и людей, которых ты терпеть не можешь, найти хорошее место и зажить по-новому?

— Я не... не знаю.

— Брось! Каждая женщина хоть раз об этом думала.

— Даже ты?

— Даже я. А Имме сделала то, на что у нас не хватило смелости.

— Но она была помолвлена! — воскликнула Аннке и ударила ладонью по столу. — Она должна была стать женой Гисли. Она, а не я!

— Ага, вот оно! Мне кажется, ты сердишься не из-за побега Имме, — со слабой улыбкой подметила Маретта. — Ты сердишься, потому что она обрекла тебя на брак с Гисли. А ты не нашла в себе сил, чтобы отказаться.

— Довольно! Ты лезешь не в свое дело! — рявкнула Аннке, вскочив на ноги. — Ты не знаешь меня. Сидишь в своем доме, как отшельница, и ничего не знаешь.

Позади Маретты с шумом распахнулись ставни и заколыхались тонкие занавески. В комнату ворвался холодный ветер, но Аннке даже не попыталась его усмирить. Ей хотелось, чтобы он все здесь перевернул и разрушил, чтобы Маретта испугалась и принялась извиняться перед Аннке.

— Я знаю, что за злостью очень легко спрятаться, — спокойно сказала Маретта. — Но рано или поздно тебе придется взглянуть правде в глаза.

— Зря я с тобой связалась, — прошипела Аннке и выскочила из дома.

Ветер никак не утихал, и Аннке с трудом шла по дороге, шатаясь из стороны в сторону. Когда она дошла до первых домов, к ней подбежал юный Утер и прокричал:

— Ну и ветрище! Это ты его пригнала?

Аннке покачала головой и пошла дальше, пропустив мимо ушей предложение Утера зайти к ним и переждать непогоду. Народ весь попрятался в домах, а Аннке вдруг стало приятно, ведь это ее магия сотворила такое, ее сила разогнала людей. Она, Аннке, могла не только даровать плодородие или обеспечивать хороший улов, но и приводить природу в настоящую ярость. Одного разговора с Мареттой хватило, чтобы эта ярость прорвалась наружу.

Когда Аннке пришла домой, Бевин накинута на нее с вопросами:

— Где ты была? С кем уже успела поссориться? Что это за ветер?

Позади Бевин стояла Мона, неожиданно серьезная.

— Аннке, успокойся, — сказала она. — Что случилось? Кто тебя обидел? Пойдем-ка на кухню — чай попьем, поговорим, косточки кому-нибудь перетрем.

— Не хочу ни чай пить, ни говорить, — отказалась Аннке.

— А ну прекращай выделываться. — Бевин схватила Аннке за руку, и закрытая дверь вдруг затряслась. — Успокаивайся, а то народ с криками прибежит. Не порти чужое хозяйство, Аннке.

— Это не я. Это природа.

— И глупой не прикидывайся. Если не успокоишься, навредишь кому-нибудь. Вдруг там ребенок какой бежит? Или рыбаки в лодках трясутся — молятся, чтобы те не перевернулись?

В первую очередь Аннке подумала о Роальде, который мог изо всех сил сейчас грести к берегу, и только сильнее рассердилась. Талли рискнул всем ради Имме, а Роальд струсил. Не смог пойти против своей семьи. Против семьи Аннке и против Гисли. Роальд не стал бороться за нее. Пора признать: с ним у Аннке нет будущего.

В дверь постучали. Это был Эрри — прибежал проведать сестру, узнать, все ли с ней в порядке, не случилось ли чего страшного. Он с трудом закрыл за собой дверь и повернулся к Аннке:

— Ну и дела!

Аннке посмотрела на взлохмаченного брата, и только тогда гнев ее начал медленно утихать. Она прошла мимо Бевин и Моны, потащила Эрри на кухню, усадила за стол и достала самые вкусные травы для чая. Пока в котелке закипала вода, Эрри объяснял:

— Мы сразу поняли, что непростой это ветер. Отец хотел прийти, но я его остановил. У него ведь ноги слабые — возьмет да и рухнет посреди дороги. Тебе, сестрица, с такой силой надо на корабли податься.

— Почему? — с улыбкой спросила Аннке.

— А ты представь, как легко можно грабить морнирцев или ирменгардцев! Ты напустишь на них ветер и потопишь все их корабли. А наши потом возьмут да и перебьют там всех.

— Я не хочу никого грабить. К тому же у Морнира с Ирменгардом своих ведьм хватает.

— А я бы попробовал, будь у меня такие силы.

Аннке заварила чай, передала Эрри кружку и заметила:

— Поэтому у мужчин и нет магии. Дай вам такую силу — вы все разрушите.

— Неправда! Мы защищаем свое.

— И берете чужое.

— Ай, ничего ты не понимаешь!

Аннке рассмеялась и не стала спорить. Вместо этого спросила:

— Как дела у родителей?

Пока Эрри неохотно рассказывал о домашней жизни, Аннке приходила в себя — вместе с ней в себя приходила и природа. К тому моменту, как брат ушел, Аннке уже взяла под контроль все свои страхи и гнев, который неожиданно прорвался после встречи с Мареттой. Правда, недовольная Бевин потом весь вечер придиралась ко всему, а Гисли за ужином вдруг произнес:

— Люди видели, как ты шла к отшельнице сегодня.

Аннке не стала отпираться.

— Да, я к ней заглянула.

— И что тебе понадобилось?

— Хотела узнать, какие травы пить, чтобы в туалет хорошо ходить.

Бевин поперхнулась.

— Вот как, — протянул Гисли. — Может, ты еще какие-нибудь травы у нее просишь?

— Какие?

— Например, те, которые помогают не забеременеть.

— Во имя Зиллы! — воскликнула Аннке. — Я бы не посмела.

— Надеюсь. Но, сокровище мое, я волнуюсь. За три года ты ни разу не понесла.

— Не думаю, что об этом уместно говорить за ужином, — вмешалась Бевин.

— Я сам решаю, что здесь уместно, а что нет, — отчеканил Гисли. — Я лишь хочу предупредить свою жену. Оградить ее от дурного влияния. Аннке, ты ведь знаешь, что говорят про Маретту. Если продолжишь к ней ходить, люди решат, что у тебя появились секреты.

Гисли в упор смотрел на Аннке, но она его взгляд выдержала. Не дрогнула, не испугалась, не сдалась.

— Клянусь, Маретта не дает мне никаких трав. Каждая женщина знает, как важно родить ребенка. И ты знай, что больше всего на свете я хочу подарить тебе детей. Я молюсь об этом каждый день.

Аннке старалась, чтобы слова ее звучали искренне, и Гисли, должно быть, им поверил. Или хотя бы принял.

— Хорошо, — небрежно кивнул он. — Но к Маретте больше не ходи и следи за своими силами. Не навлекай на нас беду.

— Конечно. Как скажешь.

Несмотря на усталость после прорвавшейся магии, в этот вечер Аннке была сама покорность: и за столом, и в постели. После ужина она внимательно слушала, какие дела успели разобрать советники, а ночью охотно отзывалась на каждую ласку мужа. Аннке была идеальной женой, а Гисли в который раз показал, что совсем не знает и не понимает ее.

Глава 8

Неожиданный шквальный ветер, вызванный Аннке, не остался без внимания. Соседи посматривали на нее, когда она выходила на улицу, шептались между собой, но прямых вопросов пока не задавали. Гисли тоже не заводил об этом разговор — возможно, делал вид, что магия жены по-прежнему остается под его контролем. Аннке с интересом наблюдала за людьми и втайне наслаждалась их реакцией. Ей хотелось еще раз устроить нечто подобное, но теперь полностью подчинить магию себе, а не быть ее пленницей. Хотелось, чтобы люди увидели в ней силу. Увидели ведьму Аннке, а не жену Гисли. И, говоря о ней, не думали о нем.

Аннке смотрела на мужа и представляла на своем месте сестру. Воображала, какой была бы их жизнь, если бы Имме не решила сбежать. Вспоминала слова Маретты и с неохотой признавала, что оказалась не готова к такой честности. К тому, что посторонний человек увидел ее насквозь, увидел ее самое больное место. Неужели она была такой простой и предсказуемой?

В день прощений Аннке привычно заняла место позади Гисли, но к разговору почти не прислушивалась. Кажется, ее попросили пригнать лесную дичь для охоты — Аннке с удовольствием отправилась в лес, но силами своими так и не воспользовалась. Босыми ногами она бродила по холодным тропам, чувствуя каждый камешек, каждую веточку и каждый листочек. Вдыхала запах земли и мха. Срывала с кустов ягоды и закидывала их в рот. Дошла до ручья, бросила обувь в траву и умыла лицо чистой водой.

Шагавшая следом Бевин сказала:

— Приступай, Аннке. Нечего нам задерживаться в лесу.

— Можешь вернуться домой. Я и без тебя справлюсь.

— Я не могу тебя оставить.

— Почему?

Аннке зачерпнула ладонями воду и с наслаждением выпила ее.

— Почему, Бевин? — мягко переспросила она. — Ты мне не доверяешь? Или боишься, что я убегу в лес и не вернусь?

— Ни то ни другое, — резко ответила Бевин. — Я переживаю за тебя, Аннке. Ты совсем неприкаянной стала. Как бы не натворила чего.

Аннке хмыкнула.

— Сейчас я буду говорить с лесом, так что можешь отойти в сторону и не мешать.

Она закрыла глаза, но впервые за долгие годы ничего не сделала. Совсем ничего. Ни о чем не попросила. Ничего не взяла. Ничего не отдала. Просто сидела, дышала лесным воздухом и по-детски радовалась своей маленькой дерзости.

Итоги охоты мужчин, конечно же, разочаровали, однако Аннке лишь разводила руками и уверяла Гисли, что делала то же, что и раньше. Природа своенравна, объясняла она. Природа не всегда желает подчиняться. Иногда она упрямится и сопротивляется.

— Значит, ты плохо просила, — решил Гисли. — Ты ведь понимаешь, что сегодня мы лишились своей части добычи?

— Прости, — совершенно неискренне извинилась Аннке. — В следующий раз я сделаю все как надо.

— Не как надо, а лучше.

— Лучше, да.

С тех пор Аннке пользовалась магией по настроению. Если ей хотелось помочь, она помогала. Если хотелось проучить кого-нибудь, не делала ничего. Мало кто по-настоящему ценил вклад Аннке в общее дело — так зачем напрягаться и изводить свое тело понапрасну? Раз уж вся благодарность доставалась Гисли, она могла не утруждать себя работой.

В таких настроениях прошла первая половина осени, и люди, собрав урожай и раздав долги, стали всю готовиться к зиме.

— Ты так и не зашла ко мне за наградой, — сказала как-то Маретта, встретив Аннке у колодца. — Твоя часть сделки.

— Забудь об этом. Мне ничего не нужно.

— Нет уж, с магией шутить опасно. Я хочу расплатиться.

— Маретта...

— Сделка есть сделка. Приходи ко мне и забери свою часть урожая.

Аннке пришла к ней через несколько дней. Пришла неохотно, боясь, что Маретта снова начнет задавать неудобные вопросы и выводить ее из себя, но, хвала богам, все обошлось. Аннке забрала небольшую часть урожая, потопталась в дверях, собираясь с духом, а потом произнесла:

— Я хочу извиниться за прошлую ссору. Мне не следовало срываться.

Маретта посмотрела внимательно на Аннке и кивнула.

— Я принимаю твои извинения. Прими и ты мои. Я совсем не хотела сердить или обижать тебя. Только помочь.

— Как?

— От меня редко что ускользает, — улыбнулась женщина. — И я вижу, когда кому-то плохо. Иногда человеку полезно услышать правду. Я думала, тебе она тоже поможет.

Как интересно была устроена Маретта. Верила, что правда может помочь. Аннке думала над ее словами, а потом спрашивала себя: что же делать с этой правдой? Как с ней жить? Три года назад она подчинилась чужим желаниям, вышла замуж за человека, который любил не ее саму, а ведьминскую кровь, что текла в ее жилах. Три года она злилась на других людей, но больше всего — на себя. Что Аннке могла сделать теперь? Притворяться и дальше, терпеть власть Гисли и молчать или сбежать, как это сделала Имме?

Был ли у нее выбор? А силы, чтобы сделать этот выбор?

Маретта забила Аннке голову этой своей правдой, и дни ее проходили в тревоге. Она трудилась в полную силу дома и делала вид, что трудится на благо деревни, однако люди, перестав видеть прежний результат, все чаще приходили к Гисли с вопросами.

— Улов уже не тот. Как нам быть? — спрашивали одни.

— Зверь совсем пугливый стал. Что делать? — спрашивали другие.

— Погода меняется. С женой твоей все в порядке? — спрашивали третьи.

Гисли пытался приободрить людей. Уверял, что справится с женой, строго с ней поговорит и напомним об обязанностях. Поначалу он держался спокойно, а Аннке слушала его, кивала и обещала исправиться. Потом, не видя перемен, Гисли начинал сердиться и напоминать, чем может закончиться подобное неповиновение. Аннке дрожала от страха и повторяла, что сделает все, чтобы порадовать мужа. Она не посмеет пойти против его слова.

Затем Гисли отвесил ей крепкую пощечину.

Сначала он замер, посмотрел на Аннке с удивлением, а после этого выругался и вышел из дома. Бевин повела Аннке на кухню, смочила тряпку в холодной воде и велела приложить к щеке.

— Тебе самой-то не надоело? Чего ты добиваешься? Почему не можешь вести себя как остальные?

— Я не остальные.

— Нет, Аннке, ты такая же, — сказала Бевин устало. — Ты женщина. Жена. Прости, но у нас есть свои обязанности. Если примешь их и перестанешь сопротивляться, заживешь спокойно. А сейчас ты только и делаешь, что всех расстраиваешь.

— Расстраиваю? Неужели? Тогда не нужно было Гисли жениться на мне, — процедила Аннке, отбросив тряпку. — Вы хотели ведьму — вы получили ведьму. И пока не научитесь говорить *со мной* и уважать *меня*, я не стану вам помогать.

Аннке оставила Бевин на кухне, а сама оделась, схватила фонарь и выскочила на улицу. Она не собиралась ждать возвращения Гисли, не собиралась ложиться с ним в одну постель, не собиралась терпеть его нравоучения. Сегодня он переступил черту.

Стоит хоть раз стерпеть мужскую жестокость, как она войдет у него в привычку.

Это были слова Аннке, и проверять их правдивость она не собиралась. Освещая дорогу фонарем, она добрела до дома Маретты и громко постучала в дверь. Когда та открылась и на пороге показалось встревоженное лицо, Аннке тихо сказала:

— Гисли меня ударил.

Маретта совсем не удивилась.

— Заходи.

Глава 9

— Надо кота завести, — вдруг сказала Маретта. — Будет мышей ловить.

Аннке, до этого напряженно смотревшая в окно, отвлеклась и повернулась к женщине.

— У Моны есть кошка. Скоро родит. Обменяй что-нибудь на котенка.

— Да. Загляну к ней на днях. — Маретта встала и забрала у Аннке пустую кружку. —

Ну что, пришла в себя?

— Немного.

— Хочешь вернуться домой или останешься у меня на ночь?

— А можно остаться?

— Конечно. Я могу у очага постелить. Там теплее.

— Спасибо!

Только после этого Аннке смогла по-настоящему расслабиться. Маретта постелила ей тюфяк у очага, и Аннке, прямо в одежде, улеглась на него, однако уснуть так и не смогла. Всю ночь она ворочалась и думала, что делать дальше. Вернуться к Гисли и извиниться? Притвориться, будто ничего не произошло? Снова стать покорной женой? Аннке стало тошно даже от мысли, что придется опять всем подчиняться.

Однако уйти от мужа она пока не могла. Куда? К кому? Аннке представила, как заходит в родительский дом и говорит, что Гисли ее ударил. Что скажет мать? Да ничего. Наверняка молча уйдет в другую комнату и позволит дочери самой во всем разбираться. Трусоватый отец тоже промолчит, покачает головой, а вот Эрри повторит слова всех мужчин и скажет, что хорошая жена должна вернуться и примириться с мужем.

Аннке устала быть хорошей женой.

Утром, с позволения сонной Маретты, Аннке занялась завтраком: сварила несколько яиц, нарезала жесткий хлеб и слегка подсохший сыр. Хотела добавить мед для сладости, но его на кухне не оказалось. Заварила чай и сказала:

— Спасибо, что приютила меня. Правда.

— Конечно, — пробормотала Маретта и широко зевнула. — Оставайся, если хочешь.

— Нет, лучше вернуться. Не хочу, чтобы Гисли заявился к тебе или начал в чем-нибудь обвинять. С него станется.

— Ты уверена? Вчера мне показалось...

— Я вернусь в дом, — нетерпеливо перебила ее Аннке. — Но не к прежней жизни. Я решила: спать буду в комнате Финеллы, а магией пользоваться не стану. Она принадлежит мне, а не деревне. И уж тем более не Гисли. Хватит с меня.

— Ну, допустим. Но ты же понимаешь, что они начнут стыдить тебя, к совести взывать, на жалость давить? Ты это выдержишь?

— Постараюсь.

Маретта задумчиво смотрела на Аннке, точно прикидывала, справится она или нет, а потом осторожно спросила:

— А дальше что? Месяц пройдет, два, три... Что потом?

— Не знаю, — выдохнула Аннке. — Так далеко я не заглядывала. Пока не понимаю, что делать. Возвращаться к родителям не хочу, но и злоупотреблять твоей добротой мне тоже будет стыдно. Любая помощь хороша в меру.

Аннке развела руками и опустила взгляд.

— Если станет совсем плохо, можешь поступить, как я, — предложила Маретта после недолгого молчания.

— Как ты? В смысле?

— Жить одной. Уйти от Гисли. Люди, конечно, обругают тебя всеми возможными словами, будут сторониться, но рано или поздно привыкнут. Смирятся. Особенно если им понадобится твоя помощь.

— Это слишком... — Аннке не договорила. — Не знаю. Неужели с тобой так было?

— Да. Я в юности очень упрямой была. Ко мне многие сватались, но я всем отказывала. Не хотела ничьей женой становиться, да и за матерью нужно было ухаживать все время. К старости у нее с головой совсем плохо стало. Но это уже в прошлом. Увы, свою жизнь я изменить не могу, но вот у тебя, Аннке, все впереди, — улыбнулась Маретта. — Я вижу два пути, если тебе станет совсем невмоготу жить дома. Хочешь узнать?

— Конечно!

— Смотри: либо муж отпускает тебя по доброй воле, либо ты уходишь от него сама. Просто так вас никто не разведет, скажу честно. Да и Гисли, я уверена, на это не согласится. Значит, придется уйти самой.

Маретта была права, однако легче от этого не становилось.

— Сейчас можешь ничего не решать, — сказала она, заметив испуг на лице Аннке. — Вернись домой и посмотри, как Гисли себя поведет и что скажет. Но рано или поздно тебе придется сделать выбор. И лучше всего — с ясной головой.

Благодаря этому разговору Аннке смогла привести мысли в порядок и вернуться домой. Она была готова ко всему: к крикам и обвинениям, к новой ссоре или новой пощечине. К чему угодно, но только не к извинениям. Стоило ей переступить порог, как Гисли бросился ее обнимать и расцеловывать, не обращая внимания на попытки Аннке оттолкнуть его.

— Сокровище мое, как я волновался! — воскликнул Гисли. — Прости, прости меня, Аннке. Не понимаю, что на меня вчера нашло.

Аннке наконец удалось высвободиться. Она бросила настороженный взгляд на Бевин, стоявшую в дверях комнаты. По лицу ее многое можно было прочитать: выходку Аннке она точно не забудет, не поймет и не простит.

— Я так разозлился, но потом ты ушла, и я всю ночь места себе не находил. Клянусь, Аннке, что больше этого не повторится. Прости меня.

Аннке собралась с силами.

— Нет.

— Что? — растерялся Гисли. — Нет?

— Я тебя не прощаю. И больше не верю твоим словам.

— Аннке, ну что за глупости ты говоришь? Не веришь?

— Да.

— Я оступился, признаю. Не следовало мне тебя бить. Но я обещаю, что больше этого не сделаю.

— Я тебя услышала, но словам твоим не верю. — Аннке следила, чтобы голос не дрожал. — Теперь ты послушай меня. С этого дня спать я буду в комнате Финеллы...

— Аннке, — уже другим тоном заговорил Гисли.

— С тобой в одну постель я не лягу! — громче сказала она. — И магией пользоваться не стану. Я не буду тратить силы и, возможно, губить здоровье ради людей, которые этого не ценят. Довольно.

Аннке не верила, что сделала это: выдержала взгляд мужа, переборола страх и высказала все, что успела обдумать за прошедшую ночь.

— А я говорила, — раздался разочарованный голос Бевин. — Говорила, что...

— Не лезь, — велел Гисли, не сводя взгляда с Аннке. — Радость моя, объясни, что на тебя нашло? Неужели ты так распереживалась из-за вчерашнего? Или это проделки той отшельницы? Это она тебя подговорила?

— Нет. Просто я больше не могу так жить.

— Как? — кажется, искренне изумился Гисли. — Аннке, ты живешь в почете и достатке. Ты — жена советника, часть уважаемой семьи. У тебя есть все: дом, еда, платья и украшения. Ты ведь не назовешь меня скупым мужем? Мужем, который не заботится о своей семье? Я все делаю для вас. Неужели этого мало?

— Да.

Бевин ахнула, а Гисли, стараясь держать себя в руках, поинтересовался:

— Что тебе еще нужно?

— Мне нужно перенести вещи в комнату Финеллы и умыться. А потом заняться домашними делами.

Аннке прошла мимо мужа, не пытаясь ничего объяснить. Он все равно не поймет. Гисли смотрел на Аннке, но видел самого себя — человека с большим и щедрым сердцем, хорошего мужа, которому, увы, досталась совершенно неблагодарная жена.

Глава 10

— Брат считает, что ты совсем запуталась. Говоришь странные вещи, словно тебя подменили.

Аннке, до этого ошипывавшая птицу, вскинула голову. Финелла сидела за столом, постукивая по нему тонкими пальцами, и улыбалась. Неожданное перемирие, которое возникло между ними во время свадьбы, продлилось недолго.

— О да, я странная женщина, — бросила Аннке и вернулась к птице. — Лучше со мной не разговаривай, а то испорчу тебя. Прочитаю какой заговор и подменю.

— Но ты и правда странно себя ведешь. Комнату мою заняла. Я тебе разрешала ее заниматься?

— А мне нужно твое разрешение? Это вроде как мой дом. Ты теперь в своем живешь.

— А я говорила Гисли, чтоб не женился на тебе. — Финелла отпила чай и выдохнула. — Сказала, что ты его не любишь и никогда не полюбишь. Все видели, как вы с тем рыбаком переглядывались и улыбались. Но меня, как обычно, никто не послушал.

Аннке сосредоточилась, и через несколько мгновений в окно со всей силы ударила ветка. Финелла вздрогнула и пролила на себя чай.

— Ну а у тебя как дела, сестрица? — невинным тоном спросила Аннке. — Успела уже полюбить своего мужа?

Финелла махнула рукой и потянулась за полотенцем.

— Все не так плохо, как я думала. Уж точно лучше, чем у тебя. Ну да, Логан староват, и пахнет от него не очень приятно, но зато он меня не донимает. Жить можно.

— Я вижу, что не донимает. Ходишь тут, болтаешься без дела.

— Вообще-то я по делу пришла...

— Ведьминской помощи от меня не ждите, — тут же заявила Аннке.

— Больно надо! — не сдержалась Финелла, но потом взяла себя в руки. — Я правда хочу помочь. Гисли ты не слушаешь, мать мою не слушаешь. Придумала себе обиду, а людям теперь расплачиваться приходится. И ведь они даже не понимают за что.

Аннке коротко рассмеялась и не стала утруждать себя объяснениями. Финелла говорила словами брата — как до этого говорили Бевин и Ранья, как говорили Герт и Эрри. Каждый пытался наставить Аннке на истинный путь и напомнить, что благодаря ее магии деревня не голодала, а люди не знали нужды. Как будто она этого не знала.

— Можешь не тратить силы и передать Гисли, что образумить меня не получилось.

Финелла дернула плечами и ушла, бросив напоследок:

— Ну, я попыталась. А ты, когда все от тебя отвернутся, не смей жаловаться или обижаться.

Маретта была права, когда сказала, что люди начнут наседать. Пока что борьба велась внутри семьи, хотя Аннке уже замечала взгляды, которыми соседи провожали ее на улице: одни были холодными и осуждающими, другие — встревоженными. Такие люди не понимали — или не пытались понять, — почему деревенская ведьма вдруг перестала всем помогать.

Однако были и третьи взгляды, в которых сквозила робкая, но все-таки поддержка. Некоторые женщины не могли выразить ее вслух, поэтому ограничивались жестами: улыбались Аннке при встрече или шептали парочку ободряющих слов, пока никто не видит.

Гисли вел себя преувеличенно мягко. На близости он не настаивал, но иногда говорил Аннке что-нибудь ласковое, обнимал или оставлял поцелуй на холодной щеке. Видимо, думал, что рано или поздно жена остынет и образумится, а жизнь их вернется в привычное русло. Аннке не сопротивлялась и позволяла Гисли надеяться на чудо, однако всех его посланников

отправляла обратно. Отступать она не собиралась, а противное чувство вины пресекала на корню. Если она не справится сейчас, то не справится уже никогда.

Любопытная Мона тоже не смогла остаться в стороне. Когда они с Аннке и другими женщинами ушли в лес за клюквой, Мона тихо спросила:

— У вас все хорошо дома? Гисли не обижает?

Аннке покосилась на соседку и покачала головой.

— С чего бы ему меня обижать? Я что-то натворила?

— Нет, но ты же знаешь... Люди беспокоятся. В ваши дела лезть пока не хотят, но переживают, вдруг муж тебя побивает. Я в это, конечно, не верю, но решила спросить.

— По доброте душевной?

— Конечно! Мы ж должны друг за дружкой присматривать. Мне с моим Дейви повезло, он и мухи не обидит, но я не раз бегала утешать других девиц. О таком стыдно рассказывать.

— Гисли меня не побивает. Если начнет, вы об этом узнаете. Почувствуете.

Аннке наконец нашла хорошее место, поставила корзину на землю и принялась собирать клюкву. Мона пристроилась рядом и с расспросами больше не лезла — вместо этого заговорила с другими женщинами, но время от времени поглядывала в сторону Аннке.

Руки Аннке работали быстро и точно: одну за другой срывали ярко-красные ягоды, бросали их в корзину и тянулись дальше, к новому месту. Ей хотелось поскорее закончить с этим делом и вернуться домой, спрятаться на кухне или в комнате Финеллы.

Дома она увидела Гисли и других советников. Все они расселись за столом и весело играли в кости. Аннке улыбнулась, поздоровалась с мужчинами и под их внимательными взглядами прошла на кухню, где устало суежилась Бевин.

— Помощь нужна? — спросила Аннке, поставив доверху наполненную корзину на табурет.

Бевин не ответила. В последние дни она вообще не утруждала себя разговорами и часто предпочитала не замечать Аннке. Поначалу женщина пыталась объяснить, что без магии их деревня пострадает, но тогда Аннке начинала задавать свои вопросы:

— Не ты ли переживала, что из-за магии я не могу забеременеть? Не тебе ли хочется поскорее увидеть внука? Как другие деревни выживают без ведьм? — Она внимательно смотрела на Бевин и качала головой. — Ты так легко меняешь свое мнение. Так легко подстраиваешься под Гисли. Если завтра он вдруг привяжет меня к кровати и заставит пользоваться магией, ты и этому найдешь оправдание. С легкостью убедишь себя, что так надо. Что так правильно.

— Гисли так не поступит.

— До того вечера я не думала, что Гисли меня ударит. Но он это сделал.

— Потому что ты это заслужила.

— Конечно, — с горечью отозвалась Аннке. — Когда Логан ударит Финеллу и она прибежит к тебе плакаться, не забудь сказать ей то же самое. Она сразу успокоится и вернется к мужу за новыми ударами.

После этого разговора разгневанная Бевин отступила, однако потом на Аннке стали наседать остальные. Единственным человеком, который ничего от нее не требовал, была Маретта. Иногда Аннке останавливалась на улице, чтобы переброситься с ней парой слов или посмеяться над чем-нибудь. Со временем Маретта перестала быть для нее просто отшельницей, но и подругой Аннке пока не могла ее назвать. Станным было их общение, но приятным. Искренним.

Аннке высыпала клюкву на стол и принялась перебирать ее, отбрасывая в сторону все ненужное, будь то случайно попавшие веточки, листья или неспелые ягоды. Одну часть она собиралась залить водой, а из другой сделать отвар. Она бы спокойно работала и не прислушивалась к разговору мужчин, если бы не слышала свое имя.

— Ну кто из нас не сталкивался с женскими капризами? — спрашивал Гисли. — Адди, неужели твоя жена не скандалила на пустом месте?

— Нет, Гисли, потому что я свою жену слушал и не доводил дело до скандалов.

Аннке фыркнула и потянулась за горшочком.

— Займись делом, — сказала Бевин. — И уши прекрати греть.

— А что? Ты что-то услышала?

— Ой, дурная.

Аннке пожала плечами и стала пересыпать ягоды. Гисли тем временем продолжал успокаивать советников, а потом быстро перевел разговор на другую тему. Когда гости наигрались и потихоньку разошлись по домам, Аннке вышла из кухни прибраться. На мужа, сидевшего за столом, она не смотрела и все делала тихо и аккуратно, но Гисли, стоило ей оказаться рядом, ухватил ее за запястье и притянул к себе. Усадил на колени, погладил по щеке и посмотрел прямо в глаза.

— Красивая ты женщина, — сказал он. — Холодная, грубая, но красивая. Красивее сестры своей.

Аннке напряглась, и Гисли это почувствовал. Улыбнулся.

— Да, Имме тоже недурна была. Вы обе хорошенькие. Высокие и крепкие, с грудью этой своей, с волосами длинными. — Гисли дотронулся до толстой косы Аннке. — Я не сильно расстроился, что именно ты стала моей женой. Наоборот, порадовался, что с тобой никаких тревог не будет. Такая скромная и покладистая жена, со всем соглашается и никогда не спорит. Кто бы мог подумать, что я пожалею об этом браке!

Аннке ухватила за эту возможность и прошептала:

— А ты возьми и потребуй развода.

Рука, державшая ее за талию, сжалась.

— Скажи, как сильно ты мною недоволен. Скажи, что я бесплодна. Оставь меня и найди себе новую жену.

Гисли нахмурился, отстранился, а потом громко расхохотался.

— Так ты этого хочешь? Развода? — спросил он сквозь смех. — Нет, Аннке, не мечтай. У нас с тобой будут дети. Чудесные дети. Я волью в тебя все отвары, какие только есть на свете. Привезу на остров лучших знахарок. Если понадобится, найду и привезу другую ведьму, которая исправит все неправильное, что в тебе есть.

Аннке вырвалась из крепкой хватки Гисли, схватила висевший у двери плащ и с неприкрытой ненавистью бросила:

— Скорее море иссохнет, чем я рожу от тебя детей.

Она вышла на улицу и побежала прочь от дома. В ушах еще долго стоял хохот Гисли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.